

Глава 5. Зловещая картина (часть 2)

Стоило Мочжу-кэ услышать имя Лу Чана, как он испуганно округлил глаза. Он заерзал, словно крыса, высунувшая нос из норы в поисках пропитания, и покосился на сапог Цзян Ехуна, придавивший его грудь к полу.

— Господин ловец... может, позвольте мне сначала встать, а потом и поговорим? — пролепетал он заискивающим тоном.

Ехун с нескрываемым раздражением убрал ногу.

— Выкладывай. Картину «Полет небожительницы» Лу Чан купил у тебя?

— Купил?! — Мочжу-кэ разразился желчным, полным обиды смешком. — Да этот пройдоха не покупал её, он выманил её хитростью и коварством! Десять лет эта работа была моим сокровищем. И откуда только этот торгаш узнал, что она у меня? Несколько дней подряд он ошивался здесь, уговаривая продать её. Но я человек тонкой душевной организации, ценитель изящной словесности! Разве мог я позволить шедевру попасть в руки такого невежды? Разумеется, я отказал. Но этот лис... он обвел меня вокруг пальца. Заманил в ловушку и заставил отдать картину.

Цзян Ехун окинул собеседника внимательным взглядом. Мочжу-кэ хитро прищурился, показывая, что и сам не промах. Если Лу Чан сумел его обставить, значит, купец был куда изворотливее этого горе-ученого.

— И как же он тебя обставил?

Мочжу-кэ смущенно спрятал руки в широкие рукава.

— Ну... пригласил выпить. Привел красавицу для компании. А когда в голову ударил хмель, да под нежные речи девицы... Поймите, я вовсе не из тех, кто падок на плотские утехи! Но красота... любовь к прекрасному заложена в каждом. Я просто слишком увлекся созерцанием совершенства и потерял бдительность.

Ехуну стоило больших усилий не отвесить ему оплеуху. Ишь, расфуфырился: бабник он и есть бабник, а туда же — «созерцание совершенства». Шлялся бы по борделям и не строил из себя святошу.

— Десять лет назад ты приобрел «Полет небожительницы». Тогда Го Цзыкуан ещё не был... как это там говорится... — Ехун замялся, подбирая слово.

— Малоизвестным и ничтожным, — подсказал Мочжу-кэ. Он презрительно усмехнулся, а взгляд скользнул по «Чу Фэю» с таким превосходством, словно он смотрел на неграмотного

деревенщину.

Цзян Ехун помрачнел.

— Если тогда он был всего лишь нищим художником, зачем ты купил его мазню?

Тут Мочжу-кэ окончательно напустил на себя вид благородного мужа, хотя со стороны это выглядело нелепо, как если бы ворона пыталась изображать тигра.

— Видел я, что бедный юноша перебивается с хлеба на воду, вот и проявил милосердие. Купил картину, чтобы у него были деньги на дорогу.

Из-за спины Ехуна мягко выступил Жун Жо. Он едва заметно улыбался.

— Вовсе не из милосердия вы это сделали. Вы разглядели его талант. Все полотна в вашем дворе — лишь жалкая попытка подражать манере Го Цзыкуана. Взять хотя бы ту картину с сосной на заснеженном склоне: вы переписывали её под разными углами, но техника мазка и композиция в точности копируют его стиль.

Мочжу-кэ злобно уставился на Жун Жо. Тот невольно вздрогнул от этого полного ненависти взгляда и отступил на полшага. Ехун мгновенно заслонил юношу собой.

— Что, задело за живое? Глаза-то не пучь на него.

Мочжу-кэ в гневе взмахнул рукавами. Когда-то он был единственным цзюйжэнем в деревне Девяти Семей, но после нескольких провалов на столичных экзаменах пал духом и осел здесь. Он перебивался продажей своих картин, но покупали их неохотно. Десять лет назад Го Цзыкуан, оказавшись в этих краях, рисовал кошек и собак на радость деревенской детворе. Мочжу-кэ презирал оборванца, пока не увидел его работы. Мастерство безвестного художника поразило его до глубины души, породив черную зависть.

Когда у Го Цзыкуана закончились средства, он был вынужден расстаться с «Полетом небожительницы». Мочжу-кэ выкупил её за десять лянов — сущие гроши, брошенные словно подачка нищему. Кто же знал, что в столице Го мгновенно прославится и станет придворным живописцем? От обиды он при каждом удобном случае хвастался своим приобретением, пока об этом не прознала вся округа.

Тщеславие и мелочность — плохие спутники для таланта. Ехун холодно подытожил:

— Значит, вся деревня знала, что у тебя хранится работа Го Цзыкуана, и слухи в конце концов дошли до Лу Чана. Так?

— Возможно, — буркнул Мочжу-кэ, прикладываясь к кувшину с вином.

— Что именно изображено на картине?

Собеседник расхохотался, уже заметно захмелев.

— Десять лет назад Го Цзыкуан отправился на Обрыв Взирания на Врата, чтобы вдохновиться видами. Вернулся и заявил, будто видел там танец небожительниц, а через несколько дней закончил полотно. Только на этом обрыве по утрам такой туман, что и собственной руки не разглядишь. Наверняка ему всё это померещилось.

Ехуну надоело слушать пьяный бред.

— Значит, картина была написана под впечатлением от увиденного на Обрыве Взирания на Врата. Небожительницы на полотне — плод его видений.

— Именно. Нет там никаких дев, одни скалы да облака, — Мочжу-кэ уже едва держался на ногах.

Ехун бросил короткий взгляд на Жун Жо, и они поспешили уйти. Едва они переступили порог, как небо разверзлось проливным дождем. Крупные, с горошину, капли забарабанили по пыльной дороге. Пришлось искать убежища под ближайшим навесом. Стена дождя отрезала их от мира, превращая окрестности в размытое марево. Вода с шумом стекала с крыш, выбивая дробь на камнях.

Жун Жо попытался вжаться в стену, но брызги всё равно намочили носки его обуви. Заметив это, Ехун осторожно потянул его за руку на ступеньку выше.

— Стань здесь, так не намокнешь.

Юноша, словно пугливый кролик, робко кивнул и замер рядом с Ехуном, поправляя выбившуюся влажную прядь волос. Цзян Ехун, опершись на эфес меча, с досадой смотрел на беснующуюся стихию.

— Судя по всему, это надолго. Дороги развезет так, что не проедешь. Переночуем сегодня в деревне, а на рассвете двинемся обратно.

Жун Жо безропотно согласился, не отрывая взгляда от серебристых струй дождя.

Ехун украдкой взглянул на спутника. Тонкие черты лица, алебастровая кожа, на которой нежно-розовым пятном выделялись бледные губы... Даже в поношенной одежде из грубой ткани Жун Жо был ослепительно красив. Из тех людей, чье изящество не скрыть никакими

лохмотьями.

Жун Жо внезапно повернул голову, поймав взгляд Ехуна. Тот, словно воришка, застигнутый на месте преступления, поспешно отвернулся.

— Ты сразу понял, что Мочжу-кэ подражает стилю Го Цзыкуана. Не думал, что ты так тонко разбираешься в живописи.

Жун Жо печально улыбнулся и посмотрел с холодной отрешенностью.

— В павильоне Ижэнь-гэ Гуй-и нанимала учителей для таких вещей. Говорила, что одной внешности мало — без лоска и знаний гостя не удержать.

Ехун почувствовал укол вины — не стоило напоминать о прошлом. Чтобы скрыть неловкость, он вновь уставился на дождь.

— Черт бы побрал эту погоду. Как только стихнет, схожу к старосте Ло, пусть пристроит нас на ночлег.

Через полчаса ливень поутих. Староста деревни Ло Чуньчжи, увидев жетон следователя Люшаньмэнь, без лишних вопросов выделил им комнату. К вечеру дождь зарядил с новой силой. У Ехуна пропал аппетит. Он никогда не любил сырость — старые раны, полученные в бытность главой павильона, начинали ныть. Хотя тело Чу Фэя было молодым и крепким, привычка подсознательно ожидать боли в пояснице никуда не делась.

Заметив, как Старший брат Чу то и дело потирает спину, Жун Жо негромко спросил:

— Старший брат Чу, у вас болит спина из-за сырости? Я немного смыслю в медицине и могу облегчить боль иглокалыванием.

Ехун отмахнулся:

— Пустяки. Поешь и ложись отдыхать.

Кровать в комнате была всего одна. Впрочем, для двух мужчин в этом не было ничего необычного, но Ехун никак не мог уснуть. То ли шум дождя мешал, то ли присутствие постороннего рядом. Жун Жо спал удивительно тихо: его дыхание было почти неосознаваемым. Ехун злился на себя — спутнику хоть бы что, а он ворочается, как девица на выданье.

Он повернулся на бок. В темноте угадывался лишь изящный силуэт Жун Жо. Воздух в комнате был пропитан едва уловимым, чистым ароматом, исходившим от юноши, — он перебивал запах плесени и сырой земли. Обычно Ехуна раздражало, когда от мужчин пахло благовониями, но этот аромат был иным — легким и ненавязчивым.

В конце концов Цзян Ехун провалился в тяжелую дрему. Ему приснилось, что он снова стоит перед «Полетом небожительницы». Вокруг клубился густой туман. Красавица на картине вдруг едва заметно улыбнулась ему. Мороз пробежал по коже Ехуна. Улыбка на полотне становилась всё шире, глаза небожительницы ожили и медленно повернулись, вперившись в него. Из плоского холста высунулась белая, словно выточенная из нефрита рука. Ехун хотел отпрянуть, но тело не слушалось, словно его сковало ледяным заклетьем. Прекрасное лицо девы на картине начало искажаться, превращаясь в жуткую, лишенную всего человеческого маску.

Он вскрикнул и проснулся в холодном поту. Сердце бешено колотилось, одежда прилипла к телу. За окном всё так же неистовствовал дождь.

— Старший брат Чу, что случилось? — раздался из темноты встревоженный голос Жун Жо.

Ехун вытер лоб рукавом.

— Ничего... просто дурной сон. Я тебя разбудил?

— Нет, я не спал, — слышался шорох — Жун Жо повернулся к нему. — Что вам приснилось?

Ехун снова лег, натягивая одеяло до подбородка.

— Та небожительница с картины... Во сне её лицо стало просто омерзительным. В тот день в доме Лу Чана мне показалось, что она улыбается. Наверное, это просто воображение разыгралось, вот разум и выдал ночью такое.

— Бывает. Наши дневные тревоги часто оборачиваются ночными кошмарами, — голос Жун Жо звучал мягко, словно весенний дождь, омывающий душу. Тревога в груди Ехуна начала постепенно утихать.

— Наверное. Но в нашей работе без мертвецов не обходится... — Ехун вздохнул. — Иногда я думаю: не лучше ли было бы бросить всё и отправиться странствовать по свету?

— Вы правда этого хотите?

Ехун невольно усмехнулся своим мыслям.

— Так, минутная слабость. Свобода — это, конечно, хорошо, но вечно скитаться под дождем и

ветром, не имея крыши над головой... К тому же за службу ловчим платят неплохо. Ладно, спи.

— Угу.

Сон не шел. Ехун ворочался с боку на бок, пока Жун Жо снова не заговорил:

— Старший брат Чу, вам всё ещё не спится?

— Прости, никак не могу выкинуть ту картину из головы. Она кажется мне невероятно зловещей. Если долго на неё смотреть, чудится, будто она живая.

— Мой учитель рисования говорил, — отозвался Жун Жо, — что великие мастера умеют играть со светом и перспективой. Го Цзыкуан славится именно своим умением выстраивать композицию. Его работы меняются в зависимости от того, под каким углом на них смотреть. Возможно, «Полет небожительницы» исполнен так искусно, что это и сбивает вас с толку.

— Вот оно что... — Ехун облегченно выдохнул. — Когда вернемся, я покажу её тебе.

Вдруг снаружи раздался отчетливый звук — хруст сломанной ветки. Кто-то был за окном.

Ехун мгновенно сел на кровати, сжимая рукоять меча.

<http://bllate.org/book/17428/1649970>